

«Родина-мать зовет!»: пятьдесят лет в строю

О. В. Рябов

Рябов Олег Вячеславович (Санкт-Петербург, Россия) — доктор философских наук, профессор, помощник проректора по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: riabov1@inbox.ru

МОНУМЕНТ «РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!» В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ:

КОНТУРЫ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ¹

В статье рассматриваются основные аспекты исследования того, как монумент «Родина-мать зовет!», установленный на Мамаевом кургане, используется акторами региональной, национальной и глобальной символической политики. Автор делает вывод о том, что монумент является важным культурно-семиотическим ресурсом властных отношений; он активно привлекается к проведению символических границ, к производству значений и оценок.

Ключевые слова: «Родина-мать», монумент «Родина-мать зовет!», символическая политика, символические границы, постсоветская Россия.

O. Riabov

Oleg Riabov (Saint Petersburg, Russia) — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Consultant of Vice-Rector for Research, Saint Petersburg State University. Email: Riabov1@inbox.ru

THE MONUMENT «THE MOTHERLAND CALLS!» IN SYMBOLIC POLITICS: OUTLINE OF

RESEARCH FIELD

The article sketches an outline of exploring the role of the monument «The Motherland calls!» on Mamayev Hill in regional, national, and global symbolic politics. The author points out that the monument serves as an important resource of power relations; it is actively exploited in drawing symbolic boundaries, in producing meanings and evaluations.

Keywords: the symbol of the Motherland, the monument «The Motherland calls!», symbolic politics, symbolic boundaries, post-Soviet Russia

Наши павшие — как часовые

В. Высоцкий. «Он не вернулся из боя».

Пятьдесят лет назад, в октябре 1967 года, в Волгограде был торжественно открыт военно-мемориальный комплекс — памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы». Центральный монумент мемориала, установленного на Мамаевом кургане, — «Родина-мать зовет!» — среди самых известных визуальных воплощений материнского образа России. Образ России-матери, Родины-матери выступает одним из наиболее

древних и влиятельных символов отечественной культуры. Начало истории представлений о материнской сущности страны следует отнести к образу Матери-сырой земли — русскому варианту Великой Богини-матери. В дальнейшем эти представления получают выражение в образе Русской земли: в древнерусской литературе она показана как живое существо; ее изображают в женском — чаще всего материнском — облике. В XVI веке она приобретает вид Святорусской матери-земли (Святой Руси) под влиянием работ Максима Грека и Андрея Курбского. В XVIII веке получает распространение концепт Отечества, однако и

1. Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ 15-03-00010 «Символ «Родины-матери» в символической политике современной России».

образ России-матери остается востребованным. С первых изображений России в женском облике, появившихся в петровскую эпоху, берет начало трехсотлетняя история визуализации России-ма-тушки. Этот образ становится заметным элементом культуры Российской империи; он активно привлекается во внешне- и внутривнутриполитическую риторику. После Октябрьской революции он в начале использовался по преимуществу в негативном смысле, как символ отсталости царской России, ее косности, а также национального гнета; однако в середине 1930-х гг. материнский образ страны возрождается в облике Советской Родины-матери и остается одним из главных элементов символической политики советского государства на протяжении всей истории СССР. Распад СССР сопровождается деконструкцией символов советской эпохи, включая Родину-мать, и на протяжении 1990-х гг. этот образ привлекается по преимуществу представителями левопатриотической оппозиции. Для 2000-х гг. характерна «реабилитация» данного образа властью; он широко включается в риторику первых лиц государства².

На протяжении многих веков он использовался в различных видах дискурса (национальном, этническом, военном, гендерном, демографическом, внутривнутриполитическом, дискурсе международных отношений). Социологические исследования показывают, что и в наши дни граждане России придают большое значение этому символу³. Таким образом, волгоградская «Родина» является частью многовековой традиции сравнения России с матерью.

Мысль о создании мемориала в Сталинграде возникла еще во время войны [1; 6]. Однако лишь в январе 1958 года Совет министров СССР принял решение о сооружении в Сталинграде монумента в ознаменование разгрома немецко-фашистских захватчиков, а в декабре того же года одобрил эскиз памятника, подготовленный авторским коллективом во главе с Е. Вучетичем, который предполагалось соорудить к 9 мая 1961 года⁴. Возведение памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» началось в мае 1959 г. под руководством Вучетича, а также инженера Н. Никитина, и 15 октября 1967 года состоялось торжественное открытие мемориального комплекса, в котором, в числе прочих, приня-

ли участие такие высокопоставленные лица, как Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев и министр обороны СССР А. Гречко.

Мемориальный комплекс представляет собой уникальное сооружение. От подножия кургана до его вершины насчитывается 200 — по числу дней Сталинградской битвы — гранитных ступеней. В холме перезахоронены останки 34 505 воинов-защитников Сталинграда. Ансамбль включает в себя композицию «Стоять насмерть», Стены-руины, Площадь Героев, Зал Воинской славы, Площадь скорби. Скульптура «Родина-мать зовет!», которая является центральным элементом мемориального комплекса, на момент создания была самой высокой в мире; общая высота монумента достигает 85 метров (высота статуи — 52 метра, меча — 33 метра). Она сделана из железобетона (5 500 тонн бетона и 2 400 тонн металлических конструкций), а ее меч весом 14 тонн — из стали.

Как центральная, так и региональная власть придавали исключительное значение мемориальному комплексу начиная с первых дней его сооружения. В 2008 году «Мемориальный комплекс "Героям Сталинградской битвы" на Мамаевом кургане» был включен в перечень федеральных памятников. В 2016 году правительство РФ приняло решение о признании монумента «Родина-мать зовет!» «особо ценным объектом культурного наследия народов России»⁵ и внесло его в список кандидатов на включение в список всемирного наследия ЮНЕСКО⁶.

Мемориальный комплекс является одним из наиболее посещаемых музеев России. Ежегодно свыше двух миллионов человек приезжают в город на Волге, чтобы отдать дань памяти его защитникам. Согласно данным соцопроса, проведенного в 2016 году, более половины жителей Волгограда посетили за год Мамаев курган⁷. Хотя комплекс посвящен участникам Сталинградской битвы, он одновременно символизирует память о победе в Великой Отечественной войне в целом. По данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2010 году, 69% россиян назвали мо-

2. Об истории символа см. подробнее: [13].

3. Образ Родины — в натуре (2015, Сентябрь 29). РОМИР. URL: http://romir.ru/studies/709_1442955600/.

4. Гершзон М. Как возник Сталинградский мемориал // Российская газета. 2015. 6 мая URL: <https://rg.ru/2015/05/06/rodina-stalingrad.html>.

5. См.: Об отнесении скульптуры «Родина-мать зовет!» (Волгоград) к особо ценным объектам культурного наследия. 8 мая 2016. URL: <http://government.ru/docs/22948/>.

6. «Родина-мать зовет!» внесена в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201605081413-549e.htm.

7. Более половины жителей Волгограда посетили в минувшем году Мамаев курган. 31.01.2017. URL: <http://oblvesti.ru/news/bolee-poloviny-zhitelej-volgograda-posetili-v-minuvshem-godu-mamaev-kurgan.html>.

монумент «Родина-мать зовет!» главным символом борьбы советского народа с фашизмом⁸. Однако нам представляется, что значение монумента в современной символической политике выходит за рамки его роли в памяти о войне. Об этом свидетельствуют данные исследований общественного мнения. Так, по итогам «народного СМС-голосования» в 2008 году памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» и скульптура «Родина-мать зовет!» были включены в число Семи чудес России⁹, в 2013 году Мамаев курган и скульптура «Родина-мать зовет!» вошли в десятку победителей конкурса «Россия-10»¹⁰. В 2013 году параллельно с конкурсом был проведен всероссийский опрос (ВЦИОМ), посвященный мнению жителей страны о том, какие природные объекты и памятники архитектуры могут быть названы символами России. Он дал следующие результаты: Мамаев курган и статуя «Родина-мать зовет!» заняли третье место, уступив лишь озеру Байкал и Петергофу (при ответе на вопрос о наиболее значимых символах России с подсказками, соответствующими объектам-участникам конкурса «Россия 10»)¹¹. Иными словами, монумент фактически стал одним из важнейших национальных и политических символов современной России — что обуславливает его значение, равно как и необходимость исследования.

В настоящем сборнике предпринимается попытка выявить это значение «Родины-матери» при помощи понятия символической политики, интерпретируемой как деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих [7, с. 8; анализ концепций символической политики см.: 19]. Целью символической политики является символическая власть, представляющая собой способность создавать или изменять категории восприятия и оценки социального мира, которые, в свою очередь, могут оказывать непосредственное влияние на его организацию [2, с. 87–96]. Символическая

политика, связанная с завоеванием, удержанием и оспариванием символической власти, приобретением символического капитала, применением символического насилия, как правило, включает в себя и (пере)определение символических границ.

Подобно тому, как границы как таковые являются атрибутом бытия, социальные границы выступают атрибутом социальности. Процесс установления и корректировки социального порядка — это и есть, собственно, процесс проведения границ: между дозволенным и недозволенным, между нормой и девиацией, между сакральным и профанным, между истинным и ложным, между «своими» и «чужими». Важность социальных границ определяется тем, что они связаны с сущностными характеристиками социальности: собственностью и неравенством. Границы, отражая объективную дискретность бытия, в то же время выступают социальным конструктом: в процессе проведения границ объективные различия не только фиксируются, но также акцентируются или, напротив, сглаживаются. Понимание границ как социального конструкта не означает постулирования их иллюзорности или искусственности; конструктивистский подход ориентирует, скорее, на поиск тех факторов, которые способствуют тому, что границы начинают выглядеть как порождение естественных или сверхъестественных сил, в то время как их социальная обусловленность приуменьшается или игнорируется. Своим интересом к конструктивистскому подходу в интерпретации социальных границ академическое сообщество во многом обязано книге «Этнические группы и границы», вышедшей в 1969 году под редакцией норвежского антрополога Ф. Барта [24]. Ее авторы показали, что содержательные компоненты этнической культуры в значительной степени определяются необходимостью границы между сообществами. Первична сама граница, а не удерживаемое ею культурное содержание. М. Ламон и В. Мольнар предложили различать социальные и символические границы следующим образом: первые делят группы на основании различий их доступа к возможностям и ресурсам, в то время как вторые — на основании концептуальных различий, производимых социальными акторами для категоризации объектов, людей, практик, времени и пространства [28].

Воздействие на символические границы выступает составляющей многих форм символической политики, и их проведение следует рассматривать в качестве одного из главных элементов символической политики как таковой. Представ-

8. Почти 70% россиян считают скульптуру «Родина-мать зовет!» главным символом борьбы с фашизмом // НТА-Приволжье. 14.04.2010. URL: <http://www.nta-nn.ru/news/item/?ID=169705>.

9. Стали известны победители конкурса «Семь чудес России». URL: <https://ria.ru/society/20080612/110324629.html>.

10. URL: <http://10russia.ru>

11. При открытом вопросе Мамаев курган и Родина-мать заняли соответственно третье и седьмое места [Символы России: народный рейтинг. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114529>].

ляет интерес определение этнической границы, предложенное Р. Дженкинсом на основе подхода Ф. Барта — это «чувство сходства и различия, производимое и воспроизводимое в процессе интеракций, при которых, по крайней мере, одна сторона такого взаимодействия определяет себя как отличную в этническом аспекте от другой» [27, р. 18]. Данные различия существуют, очевидно, не только в головах: они объективируются в границах социальных (в том числе, например, в пространственных).

Границы создаются при помощи диакритиков — элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих [24, р. 14]. В книге Дж. Армстронга, который применил идеи Барта для анализа национальных сообществ, для обозначения этих маркеров был предложен термин «символические пограничники» [23, р. 6]. К ним можно отнести не только содержательные элементы культуры, но и любые семиотические средства, с помощью которых можно создавать, поддерживать и корректировать символическую границу, то есть отличать одно от другого: названия и изображения на географических картах, награды и музыкальные вкусы, собственно символы и метафоры — например, «русский медведь» или «дядя Сэм». Поскольку символическая политика предполагает конкуренцию различных способов интерпретации политическими акторами социальной реальности, то проведение границ также является предметом острого соперничества, связанного с проблемой власти; борьба ведется за право их проведения, за выбор пограничников и за то, где, собственно, они проходят. Для того, чтобы укрепить одни символические границы, требуется ослабить альтернативные. Таким образом, создание символических границ включает в себя практики легитимации и делегитимации. При обосновании правильности собственного варианта проведения границы нередко прибегают к постулированию ее природного или божественного происхождения, к использованию тех маркеров, которые ассоциируются с природными, натуральными характеристиками человека: такими, как раса или этничность. Для создания конкурентоспособных границ символические пограничники должны, во-первых, быть узнаваемыми, маркируя тем самым границу; во-вторых, «охранять» границу, делать ее «непреодолимой», придавая ей видимость легитимности, законности, вечности, «естественности»; в-третьих, акцентировать различные черты двух сообществ (или

других сущностей — например, периодов истории) и игнорировать сходные.

Очевидно, волгоградский монумент отвечает этим требованиям и выступает эффективным символическим пограничником, участвующим в проведении и поддержании символических границ. Прежде всего, это граница между Россией и ее значимыми Другими (например, граница с Западом). Это могут быть также границы между сторонниками различных политических воззрений, адептами различных эстетических пристрастий или же приверженцами различных версий интерпретации истории; собственно, включение данного монументального высказывания во все формы символической политики, о которых идет речь в настоящем сборнике, означает его участие в проведении символических границ, в производстве значений и оценок.

Эффективность этого символического пограничника определяется, в первую очередь, тем, что он опирается на метафору родства: «Россия — это мать». Кроме того, едва ли можно поставить под сомнение заметность данного символа — по крайней мере, в чисто физическом смысле, — равно как его известность и узнаваемость. Наконец, его легитимность подкрепляется не только многовековой традицией использования образа России-матери, но и непосредственной связью данного монумента со Сталинградской битвой и Великой Отечественной войной в целом. Символ Великой Победы выступает в качестве важной узловой точки современной российской идентичности; «Мы» постсоветской России — это дети и внуки солдат-победителей. Роль памяти о войне стала еще более весомой в условиях нынешней конфронтации с Западом, которая в значительной степени связана не только с безопасностью или экономическими интересами, но также с идентичностью и ценностями — и различия в интерпретациях Второй мировой войны играют в этом заметную роль. Попытки ревизии взглядов на войну, которые предпринимаются в последнее десятилетие, прежде всего, западными историками и политиками, по понятным причинам весьма болезненно воспринимаются в российском обществе [О политике памяти стран ЕС в отношении Второй мировой войны см.: 14, с. 92–93]. Масштаб, который приобрело начиная с 2015 года такое событие, как марш Бессмертного полка, в небольшой степени выглядит как ответ на введение Западом санкций и отказ западных лидеров приехать в Москву на 70-летие Великой Победы; обращает на себя внимание, что репрезентации марша широко используют символ Родины¹².

12. См., например, статью С. Овчинникова под названием

Таким образом, исследуемый образ обладает большим потенциалом использования в символической политике. Характеризуя включение монумента в ее различные формы, прежде всего, отметим его роль в политике идентичности, которая представляет собой деятельность политических акторов, направленную на достижение социальным сообществом чувства целостности и тождественности [7]. Среди направлений политики идентичности выделяются, во-первых, создание позитивной идентичности, то есть производство образов «своих» и формирование чувства принадлежности к сообществу; во-вторых, обеспечение внутреннего единства за счет ослабления внутренних символических границ; в-третьих, укрепление внешних символических границ и создание негативной идентичности за счет конструирования образов «чужих» [см. подробнее: 14, с. 89]. В соответствии с такой трактовкой отметим способы включения волгоградского монумента в политику российской идентичности. Прежде всего, создается привлекательный образ России, ее культуры, истории, природы, а также чувство принадлежности к ней. Символ Родины-матери используется для подчеркивания того, что связь гражданина России и его страны носит естественный, легитимный и неразрывный характер. Очевидно, персонификация страны в женском облике делает эту связь еще очевиднее — тем более, если она получает воплощение в визуальном образе. Волгоградская «Родина» очеловечивается: ее наделяют телом, памятью, эмоциями, волей. Ей приписывают позитивные качества — те, которые россияне хотели бы видеть у себя: сила, размер, готовность идти на любые жертвы, чтобы защитить свою национальную независимость, справедливость, желание помочь тем, кто в этом нуждается, умение постоять за себя. Не будет преувеличением сказать, что волгоградская «Родина» в определенных контекстах воспринимается в качестве аллегии России, олицетворяя страну и, в какой-то мере, ее граждан¹³.

Второе направление связано с ослаблением внутренних символических границ. В политике национальной идентичности дискурс российскости вступает в конкуренцию, прежде всего, с

«Бессмертный полк»: народ ликует, Госдеп психует». URL: <http://politrussia.com/society/bessmertnyy-polk-433/>.

13. Кстати, этим объясняется и то обстоятельство, что иногда внешность волгоградской «Родины» подвергается критике; например, Вучетича упрекали в том, что внешность его «Советской Родины» якобы отличается от классических канонов славянской внешности (воспроизведены, например, в образах, созданных И. Тоидзе) [22].

дискурсом этнических национализмов, особенно с дискурсом русскости. Русскость и российскость можно определять и как объективные характеристики культурной гомогенности, и как дискурсы, которые — подобно всякому дискурсу — предлагают особые способы проведения символических границ между «своими» и «чужими». Если дискурс русскости в качестве приоритетных рассматривает границы этнические, то концепция российскости исходит из того, что деление на россиян и не-россиян является приоритетным перед всеми другими делениями: социальными, этническими, конфессиональными, региональными. Здесь символ Родины также выступает в виде семиотического средства для легитимации государственного устройства: Россия для всех является матерью, вне зависимости от этнической принадлежности, все «дети» перед ней равны¹⁴. Эта черта материнского символа страны отчетли-

Илл. 1 Ковальчук А. Проект памятника «Примирение России». 2017.

URL: <https://rossaprimavera.ru/static/files/64ae5b48.jpg>.

14. Подчеркнем, что этот символ используется в обосновании внутреннего единства российского общества применительно не только к межэтническим отношениям, но и идеологическим. Например, в Севастополе планировалось установить памятник Примирения, посвященный, как указывали авторы проекта, окончанию противостояния «белых» и «красных». Проект памятника включал в себя 25-метровую стелу, с символизирующей Родину женской фигурой на вершине, и фигуры ее сыновей, красноармейца и белогвардейца у ее подножия [Памятник Примирения установят неподалёку от Херсонеса. URL: <http://sevastopol.su/news/pamyatnik-primireniya-ustanovyat-nepodalyoku-ot-hersonesa/>].

во прослеживается в практиках интерпретации волгоградской «Родины» — как и всего мемориального комплекса: они направлены на то, чтобы подчеркнуть, что своей жизнью во имя защиты Родины жертвовали представители всех национальностей, и скорбит она обо всех своих детях. Память о войне, поддерживаемая в том числе при помощи исследуемого образа, выступает важным фактором, объединяющим различные регионы России (см. об этом статью У. Мутаева в настоящем издании).

Третье направление — укрепление внешних символических границ и создание образов «чужих». Апелляция к мифологии родства, отраженной в материнском символе, активно используется и в данном случае: прежде всего, в том смысле, что «чужие», в отличие от «своих», не являются детьми Родины. Однако в случае с наиболее значимым Другим постсоветской идентичности России, американцами, следует обратить внимание на еще один сюжет: их отличия от «своих» связаны также с тем, что, будучи нацией эмигрантов, они лишены чувства родины, они не могут относиться к Америке как матери, а потому не способны понять важнейшую характеристику, фундаментальную черту граждан России [15]. В частности, именно этим (а также неспособностью американцев осознать цену, которую советский народ заплатил на победу над нацизмом) объяс-

юбилея Победы [15]. Очевидно, на фоне репрезентаций деятельности США как несущей угрозу для «Родины-матери» внешняя символическая граница становится еще прочнее. В статье Т. Рябовой из настоящего издания рассматривается еще один способ использования волгоградского монумента в проведении символических границ с США, связанный с противопоставлением ее статуе Свободы. Дискурс современного антиамериканизма приписывает статуе Свободы, которая служит символом Америки во всем мире, те черты, которые составляют негативный стереотип американца; среди них — бездуховность, агрессивность, фальшь, высокомерие и претензии на исключительность Америки. Автор делает вывод о том, что подобное противопоставление является фактором, способствующим поддержанию статуса волгоградской «Родины» как воплощения России: статуя Свободы выполняет функцию визави волгоградского монумента, а соперничество России и США получает аллегорическое воплощение в оппозиции Родина-мать vs статуя Свободы.

Включение во внешнеполитический дискурс является заметной формой использования монумента в символической политике. Образ Родины может быть рассмотрен как элемент ее «мягкой силы» [12]. В том числе для репрезентаций страны на международной арене создавалась волгоградская «Родина».

Так, образ монумента широко представлен в документальных фильмах, предназначенных для демонстрации за рубежом (см. об этом подробнее статью Д. Докучаева в настоящем издании). В советское время Мамаев курган часто посещали иностранные делегации — и эта практика продолжается и сегодня¹⁵. «Родина-мать зовет!» призвана свидетельствовать о цене, заплаченной страной за победу над фашизмом, и о готовности стоять на страже мира во всем мире. Вместе с тем у монумента была и другая внешнеполитическая функция — служить напоминанием о мощи Советской страны, о неизбежности поражения врага, вторгшегося в пределы России-матушки. Как подчеркнул маршал В. Чуйков на церемонии открытия мемориала, «величественный памятник», который «отражается в воде великой русской реки ма-

Илл. 2 Марш Бессмертного полка в Волгограде. 2016. URL: <https://l34.news/2017/04/9-maya-po-volgogradu-vnov-projdet-bessmertny-j-polk/>

няли приписываемое им неуважительное отношение к монументу на Мамаевом кургане, которое стало предметом обсуждения после того, как американское издание Business Insider включило волгоградский монумент в список «самых абсурдных строений советской эпохи» — причем произошло это незадолго до семидесятилетнего

15. Серенко А. Без Сталинграда победить не получится // Независимая газета. 07.04.2015. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2015-04-07/13_stalingrad.html.

тушки Волги», служит предостережением любому агрессору¹⁶.

Другой формой символической политики, в которой данный образ активно используется, является политика памяти. Сегодня «Родина-мать зовет!» включается в самые разнообразные практики коммеморации: праздничные ритуалы (например, воинская присяга новобранцев), экскурсии, выпуск памятных медалей, производство сувениров, публикацию альбомов о Сталинградской битве, исполнение песен и др. Особое значение в последние годы приобрело такое событие, как марш Бессмертного полка, участники которого поднимаются к вершине Мамаева кургана (Илл. 2)¹⁷.

Политика памяти обращена к прошлому — однако не в меньшей степени она связана с настоящим и будущим; в данном случае к тому же речь идет об одном из тех событий, интерпретация которых занимает важное место в трактовке Второй мировой войны, которая, в свою очередь, играет значимую роль в современной геополитической риторике. Поэтому за продвижение собственного варианта понимания событий истории ведется жесткая борьба. В 2008 году с инициативой о включении мемориального комплекса на Мамаевом кургане в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО выступили депутаты фракции «Справедливая Россия», мотивируя это так: «...В последние годы мы являемся свидетелями беспрецедентной по масштабам и изощренности клеветнической кампании, целями которой являются пересмотр итогов Второй мировой войны, фальсификация непреложных исторических фактов, умаление решающей роли Советского Союза

16. Подвиг Сталинграда бессмертен. Открытие памятника-ансамбля на Мамаевом кургане // Красная звезда 1967. 17 октября.

17. Звонова С. «Бессмертный полк» поднялся на Мамаев курган, хором исполняя «Катюшу». URL: <http://volg.mk.ru/articles/2017/05/09/bessmertnyy-polk-podnyalsya-na-mamaev-kurgan-khorom-ispolnyaya-katyushu.html>.

в победе над фашизмом»¹⁸. Таким образом, роль, которую память о Сталинградской битве играет в информационных войнах современности, хорошо осознается политической элитой страны. Дискуссии о Сталинградской битве в глобальной символической политике идут постоянно, и выводы, которые в них делаются, имеют отношение отнюдь не только к прошлому; нередко в этих дискуссиях присутствует и образ волгоградской «Родины». Так, в 2017 году была опубликована статья американского историка, озаглавленная «Родина-мать зовет: Сталинградская битва, 75 лет спустя», основную идею которой российский комментатор выразил так: «Миф о Сталинграде помогает Путину держаться у власти»¹⁹. В статье

говорится о необходимости разоблачать пропагандистские мифы о сражении на Волге и содержится мысль следующего рода: возможно, в наши дни крик «Матери-России» на Мамаевом кургане должен быть прочитан как призыв к правде о Сталинградской битве²⁰. Автор, таким образом, дает совет «Родине-матери»; чаще разоблачители мифов действуют в более бесцеремонной манере, пытаясь дискредитировать Великую Отечественную войну через дискредитацию волгоградского монумента. «Родина Мать зовет убивать» — такую подпись под своим рисунком, изображающим «символы русского мира», центральным компонентом которого является волгоградская «Родина», поместил деятель культуры с Украины²¹ (Илл. 3). Украинский политолог российского прои-

Илл. 3 Семесюк И. Родина Мать зовет убивать. 2016. URL: <https://styler.rbc.ua/rus/zhizn/ukrainskiy-hudozhnik-izobrazil-kvintessentsiyu-1462893547.html>.

18. Медведев предложил внести «Мамаев курган» в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. 20.10. 2009. URL: <http://news.vdv-s.ru/dosug/?news=27666>.

19. Ситников А. «Миф о Сталинграде помогает Путину держаться у власти» К такому выводу пришли американские историки. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/181107/>.

20. Johnson I. The Motherland Calls: The Battle of Stalingrad, 75 Years Later. August 30, 2017. URL: <https://warontherocks.com/2017/08/the-motherland-calls-the-battle-of-stalingrad-75-years-later/>.

21. Известный украинский художник впечатлил Сеть картиной «Символы русского мира». URL: <http://www.facenews.ua/news/2016/319013/>.

хождения в статье под названием «В России стремительно развивается культ смерти» настаивает, что российской культуре имманентно присуща «некрофилия», о чем, по его мнению, свидетельствует то, что «в монументальном искусстве советского и постсоветского периодов Родина-мать предстает гигантским, подавляющим мелкое человеческое естество монстром со смертоносным выражением лица и неперенным орудием смерти (как правило, мечом) в каменных руках»²².

Таким образом, монумент занимает важное место в политике памяти, связанной с позиционированием сегодняшней России в мире. Другой аспект политики памяти имеет отношение к проведению символических границ между советским прошлым и постсоветским настоящим. Исследуемый образ имеет большое значение для современного восприятия «Советской Империи». Как пишет корреспондент «Независимой газеты», «пространство Мамаева кургана является настоящим храмовым комплексом, эпицентром советской религии с ее культом Великой Победы, героической смерти и обретения бессмертия через подвиг во имя Родины, иллюстрируя эту мысль высказыванием А. Проханова: «Здесь, на Мамаевом кургане, пронзительно осознаешь, что хребет фашизму в Великой Отечественной войне сломала таинственная и могущественная раса великанов — миллионов советских людей <...> Эта раса появилась на свет именно ради этой тяжелой и страшной исторической работы. И, сделав свое дело, совершив подвиг и победив в самой чудовищной войне в истории человечества, эта раса гигантов ушла на небо, туда, куда указывает меч в руке Родины-матери. На смену же великанам пришли карлики, растерявшие не только плоды победного мая 1945 года, но и великую страну»²³.

Наконец, политика памяти включает в себя вопрос, в какой степени прошлое должно оказывать влияние на настоящее и будущее. Этот вопрос на материале региональной политики памяти анализируется в статье М. Тимофеева из настоящего издания. Автор показывает, как различные акторы в рамках «войн памяти» предлагают собственные ответы на данный вопрос: с одной стороны, гегемонный дис-

курс отражает политический заказ федеральных властей по использованию образа волгоградской «Родины» как ключевого символа в политике памяти о Великой Отечественной войне. С другой, различные акторы мемориальной политики обращают внимание на стигматизирующую город функцию репрезентанта места, ориентированного в символическом пространстве страны исключительно на память о Сталинградской битве.

Политика памяти здесь непосредственно связана с другой формой символической политики — политикой региональной идентичности. Для Волгоградской области исследуемый образ имеет особое значение, выступая маркером региональной идентичности — в том числе и потому он в 2000 году помещен на официальные герб и флаг региона. В Законе о гербе и флаге Волгоградской области говорится: «Статуя Матери-Родины, давно и прочно ассоциирующаяся во всем мире с Волгоградской областью, олицетворяет безграничный патриотизм жителей области, боевой и трудовой героизм народа на протяжении веков и напоминает, что именно на территории Волгоградской области происходила грандиозная Сталинградская битва, во многом определившая дальнейшие исторические судьбы нашей страны и всего человечества» [5].

В регионе периодически возобновляются

Илл. 4. Официальный флаг Волгоградской области. URL: <http://i1.tributia.ru/1/2203/22024459/afacdb/flag-volgogradskoj-oblasti-800x600w-jpg.jpg>

жаркие дискуссии о региональном бренде [см. подробнее статью М. Тимофеева в настоящем издании, а также 9; 18; 20; 21]. В силу особой значимости попытки ребрендинга региона вызывают эмоциональную реакцию (которая может быть проиллюстрирована заголовком статьи из «Комсомольской правды»)²⁴. По всей вероятности, вне

24. Гришин А. Родина-мать, прости нас за этих уродов! // Комсомольская правда. 29.11.2012. URL: <http://www.kp.ru/>

22. Белковский С. В России стремительно развивается культ смерти // Обозреватель. 2016. URL: <https://www.obozrevatel.com/blogs/49856-v-rossii-stremitelno-razvivaetsya-kult-smerti.htm>.

23. Серенко А. Без Сталинграда победить не получится // Независимая газета. 07.04.2015. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2015-04-07/13_stalingrad.html.

зависимости от чистоты намерений инициаторов подобных перемен, подобная реакция в обозримой перспективе неизбежна; помимо ассоциирования с миллионами павших (не стоит забывать, что Мамаев курган — это и гигантская братская могила), необходимо принимать во внимание роль памяти о Великой Отечественной в геополитической риторике, о чем шла речь выше.

Еще одним аспектом использования материнского образа России в политике региональной идентичности является привлечение его для легитимации включения регионов в политическое пространство РФ. В исследовании Д. Докучаева было показано, как в политике региональной идентичности используются женские аллегории этнорегионов («Мать-Бурятия», «Мать-Чувашия», «Мать-Якутия», «Мать-Югра»). Каждый такой монумент в этнорегионе выступает и в качестве «дочки» по отношению к «матери России», и в качестве «матери» по отношению к его жителям. Этническая территория с помощью такого символического маркера, как монумент вписывается в пространство «России-матушки» [3]. Легитимация присоединения Крыма к РФ также происходит при помощи демонстрации органического характера связи региона с Россией-матерью, для чего привлекаются различные варианты материнского образа Родины [11]. Волгоградский монумент также заметен, однако он апеллирует, скорее, к такой ипостаси Родины-матери, как защитница и воительница. Так, когда на первом — «докрымском» — этапе украинского кризиса, в ноябре 2013 — феврале 2014 гг. Украина была представлена как жертва заговора западных держав, ударной силой которого выступили «бандеровцы», а по регионам России проходили митинги в поддержку «братского украинского народа», в Интернете появился рисунок, с которого волгоградская Родина призывала: «Все на защиту Украины!» (Илл. 5). По мере ухудшения отношений между двумя странами, этот образ зовет на борьбу с Майданом; так, движение «Антимайдан», созданное в 2015 году для предотвращения «цветных революций», поместило его на свой логотип (Илл. 6).

Существует и еще одна причина, по которой попытки ребрендинга Волгограда, связанные так или иначе с «понижением статуса» «Родины» вызывать настороженную реакцию, — связь данного символа с легитимацией и делегитимацией власти. Легитимация власти, так или иначе, выступает центральным элементом борьбы за интерпретацию социальной реальности, коль скоро речь идет о политических акторах. Она может

быть определена как состояние политической системы, где существующий порядок распределения

(наделения) властью обеспечивает возможность направлять действия политических субъектов с минимальным использованием принуждения и насилия [4; о дискуссиях между представителями нормативного и дескриптивного подходов к определению легитимности власти см.: 25; 26].

Одним из способов легитимации власти являются попытки представить ее выразительницей интересов Родины, поставить знак равенства между за-

Илл. 5. Все на защиту Украины! 2014. URL: <http://vk.com/pomogibratu>

Илл. 6. Логотип движения «Антимайдан». 2015. URL: <https://www.pravdu.info/главная/антимайдан-мир-в-стране/>.

щитой Родины и преданностью власти. Власть стремится говорить от имени Родины и даже заставить говорить саму «Родину». Так, довольно курьезным случаем стало создание блога от лица монумента «Родина-мать зовет!» в октябре 2011 года, в разгар избирательной кампании в

Государственную Думу. Первым постом якобы ожившей статуи стало обращение к пользователям, озаглавленное «Здравствуйте, детки мои милые!», которое содержало такие слова: «Вышаюсь я на Мамаевом кургане и наблюдаю за всем, что происходит в нашей великой стране. Мне так радостно, когда вижу, что все у вас хорошо <...> Но помните, что в любой трудный момент мама ваша рядом и готова прийти на помощь! <...> Ваша Родина-мать». Комментируя это событие, журналист «Независимой газеты» написал: «Столь лубочное восприятие российской реальности, а также последующие славословия в адрес местных и федеральных властей дали основания экспертам предположить, что за интернет-оживлением скульптуры стоят пиарщики партии власти»²⁵.

Волгоградский монумент занимает важное место в арсенале символов, который используется властью. О его значении может говорить тот факт, что о создании Общероссийского народного фронта — важнейшей провластной организации, призванной обеспечить связь Кремля с широкими слоями населения, с «народом», с «землей» — Путин объявил в Волгограде, 6 мая 2011 года, приехав на съезд сразу после посещения мемориального комплекса на Мамаевом кургане, о чем сообщил участникам. Интересен и его комментарий по поводу названия создаваемой структуры — «Мне кажется, в преддверии 9 Мая такая риторика, особенно в Волгограде, уместна»²⁶. (Илл. 7).

Илл. 7 Владимир Путин на Мамаевом кургане. 2011.

Фото Д. Азарова. URL: <https://www.kommersant.ru/gallery/1636862?id=581488>

25. Серенко А. Зафрендить «Родину-мать». 7.11.2011. URL: [http://www.politrus.ru/2011/11/07/родина-мать-волгоград; «Родина-мать зовет!» в социальные сети // Безформата. RU. 08.11.2011. URL: http://shahti.bezformata.ru/listnews/rodina-mat-zovet-v-sotcialnie/1718232/.](http://www.politrus.ru/2011/11/07/родина-мать-волгоград; «Родина-мать зовет!» в социальные сети // Безформата. RU. 08.11.2011. URL: http://shahti.bezformata.ru/listnews/rodina-mat-zovet-v-sotcialnie/1718232/)

26. Путин В. Выступление на конференции «Единой России» в Сталинграде. 6.05.2011. URL: [http://www.odnako.org/blogs/vistuplenie-vladimira-putina-na-konferencii-edinoy-rossii-v-stalingrade/.](http://www.odnako.org/blogs/vistuplenie-vladimira-putina-na-konferencii-edinoy-rossii-v-stalingrade/)

Репрезентация власти в качестве защитника Родины и от внешних врагов, и от внутренних, служит популярным способом ее легитимации; эта защита часто распространяется и на связанные с Родиной артефакты, которые наделяются статусом сакрального — включая и монумент «Родина-мать зовет!». Так, это проявилось во время одной из наиболее известных попыток ребрендинга, предпринятых волгоградскими чиновниками, когда в 2012 году они призвали найти замену традиционному бренду, связанному с монументом Вучетича, как «слишком мрачному», с тем, чтобы «повысить инвестиционную и туристическую привлекательность города»²⁷. Например, одна из видных прокремлевских политиков И. Яровая, комментируя эту акцию, заявила, что монумент «Родина-мать зовет!» — это символ мужества и патриотизма для всей страны; «глупейшая инициатива неких чиновников не может восприниматься всерьез. Но, несмотря на это, считаю, что все те, кто к ней причастен, должны уйти со своих должностей»²⁸. Впрочем, эти намерения городских властей осудили представители самых различных политических сил.

Разумеется, еще больший резонанс, чем эта «глупейшая инициатива», вызвала история, в которую оказался вовлечен один из наиболее заметных критиков власти — А. Навальный. В ходе организации «антикоррупционного марша» оппозиционный политик совершил турне по городам России, открывая в них свои предвыборные штабы. После того, как в одном из городов оппоненты облили его зеленкой, команда Навального решила использовать этот случай в пиар-кампании — пытаясь превратить зеленый цвет лица в своеобразную визитную карточку его сторонника. 20 марта 2017 года его команда, готовясь к приезду политика в Волгоград, изобразила главный символ города с зеленым лицом при помощи фотошопа. Это вызвало негативную реакцию у многих. Во время открытия предвыборного штаба 24 марта был организован пикет, во время которого лишь вмешательство полиции спасло оппозиционного политика от физической расправы, а в день антикоррупционного марша его оппоненты провели пикет у здания Генеральной прокуратуры

27. Как чиновники искали «новый символ» Волгограда и что из этого вышло. 03.12.2012. URL: www.pravda.ru/politics/parties/other/03-12-2012/1136997-simbol-0/#sthash.qWN6vQ4q.dpuf.

28. Патриарх Кирилл: Статуя Родины-Матери олицетворяет подвиг нашего народа 06.12.2012. URL: [http://ruskline.ru/news_rl/2012/12/06/patriarh_kirill_statuya_rodinymateri_olicetvoryaet_podvig_nashego_naroda/.](http://ruskline.ru/news_rl/2012/12/06/patriarh_kirill_statuya_rodinymateri_olicetvoryaet_podvig_nashego_naroda/)

ры в Москве и потребовали наказать сторонников Навального за оскорбление монумента, и вскоре уголовное дело по реабилитации нацизма было возбуждено²⁹ (Илл. 8). Противники Навального расценили акцию в качестве глумления над памятником и тем самым над памятью защитников Сталинграда и участников Великой Отечественной войны в целом. Более того, критики подчеркивали, что для сторонников политика эта акция не является случайной: в лучшем случае — это проявление их чуждости стране, непонимания ее, в худшем же это свидетельствует о ненависти к России. Некоторые комментаторы называют сторонников Навального бандеровцами, вспоминая, что Евромайдан в Киеве также начинался с глумления над монументом³⁰. Обращает на себя внимание стремление объяснить происходящее особенностями политической биографии Навального (одно время он был связан с движениями русского этнического национализма), что используется в обозначении его как «нового фюрера» и приписывании ему нацистских взглядов³¹. Таким образом, обвинения оппозиции в неуважении к волгоградской «Родине» — и тем самым в их чуждости России-матери — служат приемом легитимации власти.

Однако и делегитимация власти осуществляется при помощи апелляции к исследуемому символу. Представители команды Навального быстро убрали саму картинку со своей страницы и принесли извинения тем, кого она оскорбила, назвав ее неуместной³². Показательно, что сам Навальный, приехав в Волгоград, отпра-

вился на Мамаев курган, сфотографировался на фоне монумента, после чего поместил это фото в твиттере, сопроводив его следующим текстом: «Сразу поехал посмотреть на неё. Мощь. Великий памятник великим

событиям»³³. Подводя итоги своего визита в Волгоград, он написал в ЖЖ: «Главный памятник победы уже много лет в аварийном состоянии. Куски бетона отваливаются и падают к подножью. <...> 26-го все на митинг. Вернем украденные Медведевым деньги и восстановим Родину-мать»³⁴. Иными словами, он позиционирует себя в качестве защитника Родины: и монумента, и самой России, и ее жителей. Подобную точку зрения высказывали и многие его сторонники (Например: «Родина-мать — символ борьбы народа с оккупантами. Навальный борется с жуликами и ворами — такими же оккупантами нашей страны»³⁵; «Родина-мать поняла, что Россию враги оккупировали, которые грабят и уничтожают её. Не за это воевали отцы и деды»³⁶. При этом они негодуют из-за попыток «приватизации» властью мнения Родины (например, «А с чего эти идиоты решают за Родину-мать, на чьей она стороне? <...> Она за Навального!»³⁷).

Материнский символ России активно используется в образовательной политике. Как мы отмечали ранее, концептуальная метафора «Россия — это мать» выполняет в символической политике такие функции, как когнитивная, интегративная, мобилизационная [12]. Первая из них — связанная с тем, что сравнение страны с матерью приближает вопросы политики к повседневному опыту индивида, редуцируя сложную проблему отношений гражданина и государства к понятным картинкам семейных отношений, —

Илл. 8. Твиттер А. Гаспаряна. 2017. URL: <https://st.navalny.com/media/cache/d4/ed/d4edb1dc90fa680a33d6d1ead06424ab.jpg>

29. Гражданские активисты требуют наказать сторонников Навального за оскорбление монумента «Родина-мать зовет!» // Независимая газета. 27.03.2017. URL: http://www.ng.ru/politics/2017-03-27/2_6958_action.html.

30. Гришин А. «Родину-мать» — за что? // Комсомольская правда. 22.03.2017. URL: <http://www.spb.kp.ru/daily/26656/3677709/>.

31. Зюганов заявил о появлении в России нового «фюрера». URL: <http://www.rbc.ru/politics/19/04/2017/58f7836a9a7947f744bce3b1>.

32. Команда Навального | Волгоград. URL: https://vk.com/wall-140784015_301.

33. URL: <https://twitter.com/navalny/status/845244315131662336/photo/1>

34. Волгоград: очень круто и будет, что вспомнить 24.03.2017. URL: <https://navalny.com/p/5298/>

35. URL: <https://navalny.com/p/5298/>.

36. URL: <http://echo.msk.ru/news/1950462-echo/comments.html#comments>.

37. URL: <http://echo.msk.ru/news/1950462-echo/comments.html#comments>.

играет особую роль в образовании. Привлечение материнской метафоры помогает получить первые представления о России, должном отношении к ней ее граждан, их отношениям между собой; это выступает необходимой частью знаний об отечественной культуре и истории, важным компонентом политической и гендерной социализации молодых граждан РФ, их гражданского и патриотического воспитания. Прежде всего, ее использование связано с воспитательными и образовательными практиками, посвященными Великой Отечественной войне; примером могут служить ежегодно проводимые конкурсы детских рисунков, на которых символ Родины представлен широко [см. подробнее: 10]. Важное место в образовательной политике занимает монумент «Родина-мать зовет!», включаясь в различные формы образования: учебники, учебные программы, конкурсы рисунков, классные часы, уроки мужества, экскурсии; особую роль он играет в регионоведении (см. подробнее об этом в статье Ю. Карушевой в настоящем издании).

Такая форма интерпретации социальной реальности, как семейная и гендерная также предусматривает активное использование материнского символа России. Очевидно, представление о сакральности Родины-матери едва ли бы получило распространение без представления о сакральности самого материнства, поэтому данный символ неразрывно связан с идеей о том, что семья, материнство — это основное предназначение женщины. Показательно, что, обосновывая позицию РПЦ по вопросам семейной и гендерной политики, патриарх Кирилл обращается к исследуемому монументальному высказыванию — в частности, во время выступления на Втором форуме православных женщин. Призывая женщин к активному участию в решении социальных проблем российского общества, он заявил, что «статуя Родины-Матери на Мамаевом кургане олицетворяет подвиг всего нашего народа во время Великой Отечественной войны»; «у этого подвига — женское лицо, как женское лицо у нашей Родины»³⁸. При этом глава РПЦ противопоставил идеи созидательной активности женщин и идеологию феминизма как чуждую, ведущую к разрушению семьи — что отвечает тенденции репрезентаций гендерного порядка современных западных обществ как девиантного [16].

38. Патриарх Кирилл: Статуя Родины-Матери олицетворяет подвиг нашего народа 06.12.2012. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/12/06/patriarh_kirill_statuya_rodinymateri_olicetvoryaet_podvig_nashego_naroda/.

«Родина-мать зовет!» — сложный в семиотическом отношении объект. При этом, в свою очередь, его использование является частью символической политики России, и проблемное поле включает в себя вопрос о его взаимодействии с другими ее элементами, об общих тенденциях сегодняшней символической политики. В статье Д. Смирнова из настоящего издания образ анализируется сквозь призму понятия ресемиотизации, представляющей собой процесс изменения семиотических способов и знаковых форм представления образов, предпринимаемого для производства и продвижения определенных способов интерпретации социальной реальности. Семиотический анализ символической политики показывает примат экономической (полит-экономической) семиотики над патриотической в современной России: символический капитал уступает первое место капиталистическому семиозису. Столкновение концепта «Родина-мать зовет!» в образе символа-как-товара, формируемого целым рядом акторов-адресантов символической политики, и символа-как-знака, формируемого большинством адресатов, репрезентует перманентное противостояние консюмеризма и патриотизма в формирующейся системе политической моды современной России.

Кроме того, аспектизация проблемы предполагает исследование регионально-культурной специфики привлечения монумента в символическую политику. В процессе метафорической проекции осуществляется перенос в сферу-мишень сформировавшихся элементов сферы-источника; поэтому, анализируя прагматический эффект той или иной метафоры, в том числе в рамках символической политики, необходимо принимать во внимание специфику концептосферы определенного лингвокультурного сообщества. Очевидно, эффективность символической политики зависит в том числе от понимания особенностей восприятия материнской метафоры различными слоями населения страны. В частности, в культурах народов Дагестана родная земля не имеет столь прочных ассоциаций с матерью, как в русской культуре, что обуславливает определенную специфику отношения к материнской метафоре России [8]. Вместе с тем, как показано в статье У. Мутаева из настоящего издания, восприятие монумента «Родина-мать зовет!», связанного с памятью о Великой Отечественной войне, не отличается от отношения к нему в регионах Центральной России.

Наконец, определение проблемного поля исследования монумента «Родина-мать зовет!» предполагает анализ исторического измерения

вопроса — причем речь идет не только о полувековой истории монумента, но и о его предыстории, связанной с развитием материнского символа России. Ряд работ сборника посвящен анализу того, как менялась сумма значений, которыми наделялся волгоградский монумент. В статье О. Рябова исследуется его связь с советским дискурсом Сталинградской битвы: как с пропагандой периода 1942–1943 гг., так и с послевоенной коммеморацией, оказавшими влияние на создание мемориала. Автор разбирает семантику монумента, показывая, что он наследует традиции отечественных и мировых практик изображения женской аллегории нации. Победа, слава, жизнь, свобода, благодарность павшим и память о них, мир — вот те ценности, которые призван воплощать монумент. В статье Д. Докучаева разбирается включение данного монументального высказывания в советскую символическую политику 1960–80-х гг. на материале кинодокументалистики. Автор анализирует четыре основных дискурса (миролюбия, памяти, заграницы, локуса), репрезентирующих произведение Вучетича в документальном кино, и демонстрирует, как в этот период в нем были созданы своеобразные «правила грамматики» для дальнейшего аудиовизуального использования, возник полноценный и независимый от физического монумента текст. Канонизация определенного набора характеристик в советское время стала причиной напряженного соперничества за интерпретацию этого монументального высказывания в дальнейшем.

Заключение

Эмоциональная сила материнского символа страны, его многозначность, а также многовековая традиция его вовлечения в отечественную политическую культуру делает его значимым культурно-семиотическим ресурсом властных отношений; различные политические акторы — президент, правительство, «Единая Россия» и другие политические партии и общественные организации, представители церкви, региональные лидеры — борются за выгодную для себя интерпретацию социальной реальности при помощи «Родины», конкурируя за право говорить от ее имени.

Эта проблема уже получала освещение в исследовательской литературе [Родина-мать 2015]. Волгоградский кейс, помимо общих черт использования материнского символа России в символи-

ческой политике, обладает и спецификой, которая определяется, прежде всего, его непосредственной связью с памятью о Великой Отечественной войне. Кроме того, и апологеты, и критики советского периода истории рассматривают монумент как одну из наиболее ярких манифестаций советскости, выражения ее духа — со всеми ее плюсами и минусами. Наконец, он играет ключевую роль в политике идентичности такого значимого региона России, как Волгоградская область. Все это превращает волгоградский монумент в эффективное средство проведения символических границ, производства значений и оценок.

Мы предприняли попытку очертить контуры проблемного поля, выделив наиболее значимые темы использования монумента «Родина-мать зовет!» в символической политике. Монумент «Родина-мать зовет!» включается в символическую политику на различных уровнях; он занимает важнейшее место в региональной символической политике; ему уделяют большое внимание акторы национальной символической политики; наконец, он заметен в глобальной символической политике как деятельности политических акторов, направленной на производство и продвижение значений и оценок социальной реальности в глобальном информационном пространстве. Среди форм символической политики, в которые волгоградский монумент активно вовлекается, — формирование повестки дня, политика национальной и региональной идентичности, политика памяти, внешнеполитическая риторика, легитимация власти, ресемiotизация, образовательная политика, семейная и гендерная политика и др.

Полвека возвышается на берегу великой реки монумент «Родина-мать зовет!». Волгоградская «Родина» является частью многовековой традиции сравнения России с матерью, отраженной в литературе, философии, изобразительном искусстве, музыке. В свою очередь, за пятьдесят лет монумент превратился в неотъемлемую часть отечественной истории, культуры и политики. Образ «Родина-мать зовет!», как пишет один из авторов сборника, Д. Смирнов, «стоит на страже аутентичности национального самосознания». Вместе с тем его потенциал еще предстоит осознать. Выпускаемый к юбилею сборник — это и приглашение к дальнейшему исследованию.

Библиография

1. Аргасцева С. А. Проекты восстановления Сталинграда, выполненные в военные годы, как памятник культурного наследия страны // Материалы науч.-

практ. конф. «60 лет Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне: уроки и выводы». Москва, 2002. — М.: Книга и бизнес, 2003. — С. 342–351.

2. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. — СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2007. — С. 87–96.
3. Докучаев Д. С. «Дочки-матери»: женские аллегории этнорегионов России в постсоветской монументальной риторике // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. — С. 82–95.
4. Завершинский К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. — С. 113–131.
5. Закон Волгоградской области о гербе и флаге Волгоградской области. URL: <https://geraldika.ru/symbols/5678>.
6. Листова Е. Советская империя. «Родина-Мать» РОССИЯ24 — документальные фильмы. — 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7fEYMeAg7gQ>.
7. Малинова О. Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 1. — С. 5–29.
8. Мутаев У. К. Символ Родины-матери глазами жителей Дагестана: (на материале интервью) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. — С. 126–135.
9. Полухина Е., Ваньке А. Социальные практики использования мемориалов в России: сравнивая Мамаев Курган в Волгограде и Поклонную гору в Москве // Социологическое обозрение. 2015. № 4. — С. 115–128.
10. «Родина-мать» в рисунках детей // «Родина-мать» в российской культуре. 2015. URL: https://vk.com/album-93433867_217435073
11. Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. — С. 40–50.
12. Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. — С. 78–95.
13. Рябов О. В. «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. — Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. — 290 с.
14. Рябов Д. О. Образ России в политике европейской идентичности «Еврооптимистов» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 3–4. — С. 86–102.
15. Рябова Т. Б., Романова А. А. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного ан-тиамериканизма // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. — С. 136–149.
16. Рябова Т. Б., Рябов О. В. «Гейропа»: Гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. — С. 31–39.
17. Символ Родины-матери в российской культуре: Политика, семиотика, история // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4.
18. Смирнов Д. Г. К вопросу о ресемиотизации как форме символической политики: («Родина-мать» в политических практиках современной России) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. — С. 96–112.
19. Смирнов Д. Г. Символическая политика: теоретические и методологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 2. — С. 5–16.
20. Тимофеев М. Ю. Помни о матери-Родине! Конкурирующие места памяти // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. — С. 43–63.
21. Тимофеев М. Ю. Монументальный образ Родины-матери в политиках памяти современной России // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. — № 4. — С. 86–94.
22. Шевцов И. О Евгении Вучетиче, о нашем национальном достоянии. URL: <http://www.voskres.ru/army/spirit/shevzov.htm>.
23. Armstrong J. Nations before Nationalism. — Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982. — 411 p.
24. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / F. Barth (ed.). — Boston: Little, brown and company. — P. 9–38.
25. Beetham D. Legitimation of power. Houndmills: Palgrave, 2013. — 336 p.
26. Gerschewski J. 2013. The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Cooptation in Autocratic Regimes // Democratization. 2013. № 20 (1). — P. 13–38.
27. Jenkins R. Boundaries and borders // Nationalism, Ethnicity and Boundaries: Conceptualising and understanding identity through boundary approaches (Routledge Studies in Nationalism and Ethnicity) / Jackson J., Molokotos-Liederman L. (eds.) — London: Routledge, 2015. — P. 11–27.
28. Lamont M., Molnar V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. — P. 167–195.

References

1. Argastseva S. A. Proekty vosstanovleniia Stalingrada, vypolnennye v voennye gody, kak pamiatnik kul'turnogo naslediiia strany // Materialy nauch.-prakt. konf. «60 let Stalingradskoi bitvy v Velikoi Otechestvennoi voine:

- uroki i vyvody». Moskva, 2002. — М.: Книга i biznes, 2003. — S. 342–351.
2. Burdë P. O simvolicheskoi vlasti // Burdë P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. — SPb.: Aleteia; M.: In-t eksperimental'noi sotsiologii, 2007. — S. 87–96.
  3. Dokuchaev D. S. «Dochki-materi»: zhenskie allegorii etnoregionov Rossii v postsovetsoi monumental'noi ritorike // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovani. 2015. № 4. — S. 82–95.
  4. Zavershinskii K.F. Legitimnost': genezis, stanovlenie i razvitie kontsepta // Polis. Politicheskie issledovaniia. 2001. № 2. — S. 113–131.
  5. Zakon Volgogradskoi oblasti o gerbe i flage Volgogradskoi oblasti. URL: <https://geraldika.ru/symbols/5678>.
  6. Listova E. Sovetskaia imperiia. «Rodina-Mat'» ROSSIIa24 — dokumental'nye fil'my. — 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7fEYMeAg7gQ>.
  7. Malinova O.Iu. Konstruirovaniye makropoliticheskoi identichnosti v postsovetsoi Rossii: simvolicheskaiya politika v transformiruiushcheisya publichnoi sfere // Politicheskaiya ekspertiza: POLITEKS. 2010. № 1. — S. 5–29.
  8. Mutaev U.K. Simvol Rodiny-materi glazami zhitelei Dagestana: (na materiale interv'iu) // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovani. 2015. № 4. — S. 126–135.
  9. Polukhina E., Van'ke A. Sotsial'nye praktiki ispol'zovaniya memorialov v Rossii: sravnivaia Mamaev Kurgan v Volgograde i Poklonnuiu goru v Moskve // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2015. № 4. — S. 115–128.
  10. «Rodina-mat'» v risunkakh detei // «Rodina-mat'» v rossiiskoi kul'ture. 2015. https://vk.com/album-93433867_217435073
  11. Riabov O.V. Mat' i machekha: materinskii simvol Rossii v legitimatsii prisoedineniia Kryma k Rossiiskoi Federatsii // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2014. № 4. — S. 40–50.
  12. Riabov O.V. «Rodina-mat'» v simvolicheskoi politike postsovetsoi Rossii // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2015. № 3–4. — S. 78–95.
  13. Riabov O.V. «Rossiia-Matushka»: natsionalizm, gender i voina v Rossii XX veka. — Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. — 290 s.
  14. Riabov D.O. Obraz Rossii v politike evropeiskoi identichnosti «Evrooptimistov» // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovani. 2016. № 3–4. — S. 86–102.
  15. Riabova T.B., Romanova A.A. «Rodina-mat'» kak kul'turno-semioticheskii resurs sovremennogo anti-amerikanizma // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovani. 2015. № 4. — S. 136–149.
  16. Riabova T.B., Riabov O.V. «Geiropa»: Gendernoe izmerenie obraza Evropy v praktikakh politicheskoi mobilizatsii // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2013. № 3. — S. 31–39.
  17. Simvol Rodiny-materi v rossiiskoi kul'ture: Politika, semiotika, istoriia // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovani. 2015. № 4.
  18. Smirnov D.G. K voprosu o resemiotizatsii kak forme simvolicheskoi politiki: («Rodina-mat'» v politicheskikh praktikakh sovremennoi Rossii) // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovani. 2015. № 4. — S. 96–112.
  19. Smirnov D. G. Simvolicheskaiya politika: teoreticheskie i metodologicheskie aspekty // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2016. Vyp. 2. — S. 5–16.
  20. Timofeev M.Iu. Pomni o materi-Rodine! Konkuriuiushchie mesta pamiati // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovani. 2015. № 4. — C. 43–63.
  21. Timofeev M.Iu. Monumental'nyi obraz Rodiny-materi v politikakh pamiati sovremennoi Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriia. 2016. — № 4. — S. 86–94.
  22. Shevtsov I. O Evgenii Vuchetich, o nashem natsional'nom dostoianii. <http://www.voskres.ru/army/spirit/shevzov.htm>.
  23. Armstrong J. Nations before Nationalism. — Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982. — 411 r.
  24. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / F. Barth (ed.). — Boston: Little, brown and company. — P. 9–38.
  25. Beetham D. Legitimation of power. Houndmills: Palgrave, 2013. — 336 p.
  26. Gerschewski J. 2013. The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Cooptation in Autocratic Regimes // Democratization. 2013. № 20 (1). — P. 13–38.
  27. Jenkins R. Boundaries and borders // Nationalism, Ethnicity and Boundaries: Conceptualising and understanding identity through boundary approaches (Routledge Studies in Nationalism and Ethnicity) / Jackson J., Molokotos-Liederma L. (eds.) — London: Routledge, 2015. — P. 11–27.
  28. Lamont M., Molnar V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. — P. 167–195.